

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Засѣданіе особаго присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Дѣло о совершонномъ 1-го марта 1881 года злодѣяніи, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.
Засѣданіе 28-го марта 1881 года.

(Окончаніе.)

Прокуроръ. Приговоромъ Особаго Присутствія правительствующаго сената всѣ подсудимые признаны виновными въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 241, 242 и 249 ст. Улож. о наказ., Михайловъ, кромѣ того въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1, 459 Улож. о наказ. За эти преступленія наказаніе по закону опредѣляется 1 степ. 17 ст. Улож. о наказ., при чемъ не совершеннолѣтній подсудимый Рысаковъ долженъ быть, согласно ст. 139 Улож. о наказ., подвергнутъ наказанію за преступленіе, въ которомъ онъ признанъ виновнымъ какъ совершеннолѣтній. На основаніи изложеннаго, подсудимые: Желябовъ, Рысаковъ, Кибальчичъ, Гельфманъ, Перовская и Михайловъ должны быть приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни.

Прис. пов. Унковскій. Я съ своей стороны не могу согласиться съ заключеніемъ г. прокурора касательно примѣненія къ Рысакову смертной казни, по слѣдующимъ соображеніямъ: 139 ст. Улож. о наказ., говорящая о несовершеннолѣтнихъ болѣе 14 лѣтъ, но не достигшихъ еще 21-лѣтняго возраста, подвергаетъ ихъ за преступленія, влекущія за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, наказанію какъ и совершеннолѣтнихъ, но съ тою разницею, что время работъ сокращается на одну треть, а высшимъ наказаніемъ устанавливается для нихъ ваторжная работы лишь на 20 лѣтъ. Едва ли смыслъ этой статьи можетъ подлежать спору и сомнѣнію, ибо хотя въ ней не упомянуто о непримѣненіи къ нимъ смертной казни, но изъ сопоставленія этой статьи съ предыдущею 138-ю статью, а также и потому, что въ ней не упоминается о смертной казни, слѣдуетъ заключить, что законодатель вовсе не имѣлъ въ виду допустить примѣненіе смертной казни въ лицамъ несовершеннолѣтнимъ. Такое толкованіе этого закона совершенно согласно не только съ букввальнымъ его содержаніемъ и съ предыдущею статьею, но и со всѣми кодексами европейскихъ странъ, которые не допускаютъ примѣненія къ несовершеннолѣтнимъ ни смертной казни, ни наказаній выше 20-ти-лѣтняго срока, и которые имѣлись въ виду при редакціи нашего Уложенія о наказаніяхъ. Если же толковать эту статью иначе, т. е. такимъ образомъ, что въ ней не говорится о смертной казни, то о смягченіи этого наказанія не можетъ быть рѣчи и для лицъ, достигшихъ 14-ти-лѣтняго возраста, ибо въ 138-й ст. отнсяется къ малолѣтнимъ, о смертной казни также не говорится. Всѣмъ извѣстно, что въ нашей странѣ человѣческой организмъ развивается гораздо медленнѣе, нежели въ большей части европейскихъ государствъ; обязательное учение въ Германіи начинается съ шести лѣтъ, тогда какъ у насъ мальчичи, въ особенности изъ крестьянскаго сословія, еще и въ 8 или 9 лѣтъ недостаточно развиты для того, чтобы посѣщать школы. Очень многіе женатые крестьяне наши имѣютъ видъ несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ. Между тѣмъ во всѣхъ извѣстныхъ кодексахъ европейскихъ государствъ смертная казнь въ лицамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста, вовсе не примѣняется. Во Франціи, напримѣръ, для лицъ, достигшихъ 16 лѣтъ, не полагается вовсе ни казни, ни пожизненнаго наказанія, ни даже ссылки, и высшимъ наказаніемъ устанавливается заключеніе на 20 лѣтъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ Code Pénal (ст. 67 и 68). Въ уложеніи баварскомъ (ст. 61), также въ уложеніяхъ бельгійскомъ и португальскомъ примѣненіе смертной казни въ несовершеннолѣтнимъ не дозволяется: въ Баваріи до 21 г., въ Бельгіи—до 18, а въ Португаліи—до 19 лѣтъ. Въ новомъ германскомъ уложеніи 1872 года, въ ст. 57 говорится, что лица, не достигшіе 18-ти-лѣтняго возраста, за дѣянія, влекущія за собою смертную казнь или пожизненное заключеніе въ смирительномъ домѣ (Zucht-haus), подвергаются заключенію отъ 3 до 15 лѣтъ.

Въ австрійскомъ уложеніи 1852 года въ § 52, въ тѣхъ же случаяхъ несовершеннолѣтніе до 20 лѣтъ подвергаются лишь заключенію отъ 10 до 20 лѣтъ. Такимъ образомъ очевидно, что, сопоставляя приведенную мною ст. 139 улож. о наказ., изд. 1876 года,

со всѣми европейскими кодексами, ясно, что нашъ законодатель, не упомянувъ въ ней о смертной казни, не могъ имѣть даже и мысли примѣненія этого наказанія къ лицамъ отъ 14 до 21-лѣтняго возраста, ибо въ противномъ случаѣ нужно предположить, что нашъ законъ допускаетъ эту кару для 14-ти-лѣтнихъ, т. е. для лицъ, достигшихъ ни одного изъ возрастовъ, опредѣленныхъ для примѣненія ея въ другихъ государствахъ, въ которыхъ человѣческой организмъ развивается гораздо ранѣе. Вслѣдствіе всего этого я считаю долгомъ просить о примѣненіи къ Рысакову высшаго наказанія, опредѣленнаго 139 ст. улож., для несовершеннолѣтнихъ.

Прис. пов. Хартуляри. Я ничего не имѣю сказать.

Прис. пов. Герке 1-й. Если судъ найдетъ возможнымъ, я прошу принять во вниманіе то обстоятельство, что подсудимый игралъ второстепенную роль, и примѣнить къ ней ст. 134 п. 6 и ст. 135 Улож., и смягчить наказаніе; а если это будетъ признано выходящимъ за предѣлы милости, которую судъ можетъ оказать, то я прошу: не будетъ ли признано возможнымъ ходатайствовать объ этомъ.

Остальные защитники и подсудимый Желябовъ никакого заявленія не представляли.

Тов. прок. Муравьевъ. Въ интересахъ закона и справедливости я считаю долгомъ возразить защитнику подсудимаго Рысакова. Онъ ссылается на ст. 139 Улож. о нак., но соображенія защиты лишены, по моему мнѣнію, законнаго основанія. Защита прежде всего указываетъ на то, что если по ст. 139 должна быть примѣнена къ подсудимому 1 степ. 17 ст., то слѣдовательно и предыдущая, ст. 138, опредѣляетъ то же наказаніе и для малолѣтнихъ, достигшихъ еще 14-ти-лѣтняго возраста. Я полагаю, что это заключеніе ошибочно потому, что въ разъясненіи 138 ст. имѣется извѣстное Особому Присутствію Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта въ которомъ относительно случаевъ примѣненія 1-й степени 17 ст. допускается смягченіе наказанія лишь для малолѣтнихъ, т. е. достигшихъ четырнадцатилѣтняго возраста. Что же касается до совершеннолѣтнихъ въ возрастѣ, упомянутомъ 139 ст., то, по сопоставленію этой статьи съ ст. 140 и слѣдующими, слѣдуетъ признать, что на основаніи точнаго смысла закона, исключающаго всякія сомнѣнія, признаніе несовершеннолѣтняго виновнымъ въ такомъ преступленіи, которое влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, устраняетъ, за силою этого послѣдняго карательнаго признака, всякое смягченіе наказанія вслѣдствіе несовершеннолѣтія. Слѣдовательно, наказаніе должно быть назначено Рысакову, на точномъ основаніи 139 ст., какъ совершеннолѣтнему. Затѣмъ едва ли нужно упоминать о томъ, что ссылки защиты на иностранные кодексы, изданные до нашего Уложенія и содержащія въ себѣ правило о желаніи имъ смягченія наказанія, не можетъ имѣть для Особаго Присутствія никакого юридическаго значенія.

Прис. пов. Унковскій. Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ прокурора; я не привожу иностранныхъ уложеній для того, чтобы Правительствующій Сенатъ могъ на нихъ основать свое рѣшеніе. Я привожу ихъ лишь въ доказательство того, что составители Уложенія 1876 года имѣли многіе изъ этихъ кодексовъ въ виду, и если бы они допускали примѣненіе смертной казни къ лицамъ, достигшимъ 21-лѣтняго возраста, то они упомянули бы объ этомъ. Между тѣмъ въ 139 ст. говорится о несовершеннолѣтнихъ, начиная съ 14-лѣтняго возраста, о смертной казни не сказано ни слова. Упомянутое г. прокуроромъ мнѣніе Государственнаго совѣта, не вопиющее въ законъ—мнѣ вовсе неизвѣстно, и я вовсе не понимаю, почему по ст. 139, относящейся ко всѣмъ случаямъ совершенія лицами, достигшими 21 года, преступленій влекущихъ за собою наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, съ 17-лѣтняго возраста должны быть примѣняемы всѣ виды наказаній, изложенные въ ст. 17 Улож., а въ томъ числѣ и первый видъ, т. е. лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь, коюрой для лицъ, достигшихъ полнаго совершеннолѣтія, вовсе не установлено. Очевидно, что такое толкованіе несогласно съ истиннымъ смысломъ этой статьи. На этомъ основаніи я ходатайствую о замѣнѣ для несовершеннолѣтняго Рысакова смертной казни другимъ наказаніемъ.

Затѣмъ Особое Присутствіе правительствующаго сената поставило на свое разрѣшеніе вопросъ: какому подлежать наказанію, за состоявшимся рѣшеніемъ, подсудимые: Желябовъ, Перовская, Кибальчичъ, Рысаковъ, Михайловъ и Гельфманъ, послѣ чего удалось для совѣщанія по постановленію приговора.

Въ 6 часовъ 20 минутъ утра, 29-го марта, Особое Присутствіе правительствующаго сената вышло въ залу засѣданія, и г. первоприсутствующій провозгла-

силъ резолюцію, уже извѣстную читателямъ, присовокупивъ, что приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ осужденнымъ 30-го марта, въ 4 часа пополудни.

30-го марта, въ 4 часа пополудни, осужденнымъ по дѣлу о злодѣйскомъ покушеніи 1-го марта былъ объявленъ, въ присутствіи сенатора А. И. Сивилы, товарища прокурора Н. В. Муравьева, при оберъ-секретарѣ В. В. Поповѣ, приговоръ особаго присутствія правительствующаго сената, слѣдующаго содержанія:

ПРИГОВОРЪ.

1881 года, марта 26—29 дня.

По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, въ слѣдующемъ составѣ:

Г. первоприсутствующій Э. Я. Фуксъ.

Гг. сенаторы: Н. Н. Бяпцевъ, Н. С. Писаревъ, И. Н. Орловъ, А. И. Сивилы, А. В. Бѣлоустовъ; председатели дворянства: с.-петербургскій губернский, гр. А. А. Бобринскій, петербургскій уѣздный, баронъ М. Н. Корфъ, московскій городской голова С. М. Третьяковъ и волостной старшина А. А. Гельберъ.

При оберъ-секретарѣ В. В. Поповѣ.

Въ присутствіи исполняющаго обязанности прокурора при особомъ присутствіи правительствующаго сената, Н. В. Муравьева—

Разсматривая дѣло о мѣщанинѣ Николаѣ Рысаковѣ, крестьянѣхъ Андреѣ Желябовѣ, Тимофѣѣ Михайловѣ, сынѣ священника Николаѣ Кибальчичѣ, дворянѣ Софьѣ Перовской и мѣщанинѣ Гесѣ Гельфманѣ, преданныхъ суду Особаго Присутствія, на осн. 1032 и 1052 ст. Уст. уг. суд., по прод. 1879 г., и особахъ Высочайшихъ повелѣній отъ 6-го и 13-го марта 1881 г., по обвиненію ихъ въ злодѣяніи, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, и въ другихъ преступленіяхъ.

1-го марта 1881 года, въ воскресенье, въ началѣ третьяго часа пополудни въ С.-Петербургѣ совершенно было величайшее злодѣяніе, поразившее Россію роковымъ ударомъ, положившимъ безвременно предѣлъ драгоцѣнной жизни возлюбленнаго Монарха, Благотѣла Отечества, Государя Императора Александра Николаевича. Въ тотъ день Его Императорское Величество изволилъ присутствовать на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, а изъ манежа посѣтилъ Михайловскій дворецъ, откуда и возвращался по Инженерной улицѣ и затѣмъ, направо изъ оной, по набережной Екатерининскаго канала. Когда карета Государя, въ сопровожденіи обычнаго конвой, проѣзжала мимо сада Михайловскаго дворца, на разстояніи около 50 саж. отъ угла Инженерной улицы, подъ лошадей кареты былъ брошенъ разрывной снарядъ. Разрывомъ этого снаряда были ранены нѣкоторые лица и разрушена задняя стѣнка Императорской кареты, но самъ Государь остался невредимъ. Человѣкъ, бросившій снарядъ, хотя и побѣжалъ по набережной канала, по направленію къ Невскому проспекту, но въ нѣсколькихъ саженьяхъ былъ задержанъ и назвался первоначально мѣщаниномъ Глазовымъ, а затѣмъ показавъ, что онъ мѣщанинъ Рысаковъ. Между тѣмъ Государь, приказавъ кучеру остановить лошадей, изволилъ выйти изъ кареты и направиться къ задержанному преступнику; когда же Его Величество возвращался назадъ въ мѣсто взрыва, по павелу канала, послѣдовалъ второй взрывъ, ужаснымъ послѣдствіемъ котораго было нанесеніе Государю крайне тяжелыхъ ранъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже коленъ. Вѣщесносный Страдалецъ былъ доставленъ въ Зимній дворецъ почти уже въ безсознательномъ состояніи, и въ тотъ же день, въ 3 часа 35 минутъ пополудни—въ Бозѣ почилъ. По осмотру мѣстности злодѣянія и по даннымъ, обнаруженнымъ дознаніемъ, эксперты прѣшли къ заключенію, что означенные взрывы были произведены двумя брошенными снарядами, заключенными въ жестяныя оболочки, состоявшими изъ ударнаго состава и взрывчагаго вещества въ количествѣ до 5-ти фунтовъ въ каждомъ снарядѣ.

На лицо, бросившее къ ногамъ почившаго Государя второй разрывной снарядъ, прамыхъ указаній сначала не было; только крестьянинъ Петръ Павловъ, при первоначальномъ дознаніи, показалъ, что когда Государь отошелъ отъ задержаннаго Рысакова, направился по павелу канала, то неизвестный человѣкъ, стоявшій прислонившись къ рѣшеткѣ набережной, выждалъ приближенія Государя на разстояніи не болѣе двухъ аршинъ и бросилъ что-то на панель, отъ чего и послѣдовалъ второй взрывъ. Показаніе это, повторенное Павловымъ и на судебномъ слѣд-